

ГЛАВА 1

Если вы прожили на свете достаточно долго, то знаете, что порой судьба исполняет наши желания весьма причудливым образом. Так вышло и со мной. Оказавшись в свои двадцать восемь лет загнанной в жизненный тупик, я отчаянно желала перемен, но уж точно не таких, какие услужливо обрушила на меня Вселенная. Попасть в другой мир, совершенно непохожий на наш, дикий, темный и опасный — немного перебор, как, по-вашему?

Да, судьба любит подшутить над теми, кто просит ее о помощи. А еще, говорят, она лучше нашего знает, что нам нужно. Я вспоминаю об этом, когда становится совсем уж невмоготу, хотя по-прежнему надеюсь вернуться — нет, не к прежней жизни, но в свой родной мир. В конце концов, там осталась моя какая-никакая, но семья, немногочисленные друзья, знакомые. И блага цивилизации, черт возьми, как же мне их не хватает!

Зато здесь у меня есть то, что в мире Грезалии называют магией, а в нашем — считают сверхъестественными способностями. Сила, которая пугает меня в той же степени, что и завораживает.

А еще здесь есть грызолаки, жаждущие человеческой крови мурдисы, ульмы, колдуны и Ночные охотники — истребители нечисти...

И, конечно, Хельден.

Что было у меня в той, «нормальной» жизни? Поднадоевшая, зато стабильная работа корректором в крупном издательстве, шесть лет неудачного во всех отношениях брака, закончившегося разводом, мама, вечно недовольная уровнем моей «жизненной успешности», да младшая сестра, которую мне неизменно ставили в пример. Ну и рыжий кот Кузя, единственное существо на Земле, любившее и принимавшее меня такой, какая я есть. Надеюсь, родные о нем позаботились после моего внезапного исчезновения...

Детей вот не было. Точнее, могли бы быть, но...

Первые года полтора после свадьбы мы с Игорем (симпатягой-айтишником, с которым меня познакомили приятели) были вполне счастливы. Упивались страстью друг к другу, вместе путешествовали, строили планы на будущее, в котором непременно видели себя в большом загородном доме с как минимум двумя ребятишками и парой собак. А потом... Потом оказалось, что я — никудышная хозяйка, надоедливая жена и скучная любовница. Теперь абсолютно все выходные мой муж предпочитал проводить на диване перед телевизором или за экраном своего суперсовременного ноутбука, игнорируя мои робкие просьбы куда-нибудь сходить вдвоем. Интимная близость между нами стала происходить лишь по большим праздникам и обычно — по моей инициативе, а все мои слова и поступки почему-то вызывали у Игоря глухое раздражение. К тому же в последний год нашего брака у него начались проблемы с работой, и заботы о содержании семьи легли в основном на мои плечи.

По жизни человек добрый, терпеливый и старающийся воспринимать все жизненные неурядицы с юмором, я очень долго шла к осознанию того, что разочарование в муже медленно, но верно разрушило мою любовь к нему. А когда это наконец понял и он, то

вдруг решил все исправить и предложил мне... родить ребенка. Дескать, от его отсутствия все зло.

«Давай дадим нам второй шанс, Саш», — говорил он, обняв меня и положив подбородок мне на макушку, как я всегда любила.

И я согласилась. А месяце на третьем взяла в руки телефон Игоря, когда пришло сообщение от его, как позже выяснилось, давнишней любовницы. Красочное такое сообщение с недвусмысленными фотографиями, где из одежды на девушке был только распахнутый прозрачный пеньюар с кокетливой розовой опушкой.

Сама не знаю, почему я тогда так разволновалась. Гормоны, не иначе. А еще — обида, уязвленное самолюбие, обманутые чувства... Итог бурного выяснения отношений был печален: я потеряла ребенка. И как только выписалась из больницы, подала на развод — невзирая на мольбы «раскаявшегося» Игоря и уговоры матери, пытающейся удержать меня (и оградить себя) от неприемлемого «позора».

И только несколько более-менее близких друзей меня поддержали. Именно с ними я поехала в эти чертовы Алтайские горы и отправилась на экскурсию к популярному среди туристов подземному озеру в какой-то древней пещере. А там я совершенно непонятным образом умудрилась отстать от группы, свернула не туда и после долгих блужданий по узкому извилистому тоннелю вдруг резко ухнула вниз. Почти сразу с головой ушла в ледяную воду, забарахталась, пытаюсь всплыть на поверхность... а через пару мгновений «вывалилась» оттуда в совершенно незнакомую реальность.

Позже, вновь и вновь прокручивая в памяти события того дня, я вспомнила, что остановиться, на пару минут забыв о своей группе, меня заставил едва уловимый странный звук, донесшийся откуда-то из боковых

проходов. Словно шепот заблудившегося в пещерах ветра, многоголосый, мелодичный и завораживающий. И звучащие в нем голоса совершенно ясно звали меня по имени. Вот я и пошла на их зов, как та крыса из сказки — на звук волшебной флейты¹...

Упав с высоты пары метров в густую и на удивление мягкую траву, я первым делом отдышалась и прислушалась к своему телу, пытаюсь сообразить, не сломала ли себе чего во время этих кульбитов. К счастью, нигде ничего не болело, только мокрая насквозь одежда неприятно липла к коже. Но было не холодно, наоборот — словно из конца дождливого августа я вдруг перенеслась в самый разгар жаркого июля. Ощущение это усиливал громко приветствующий меня стрекот кузнечиков.

Поначалу я решила, что подводное течение вынесло меня куда-то за пределы пещеры, но надежда эта испарилась, как только я поднялась на ноги и внимательнее рассмотрела траву. Густая, высотой мне до колена и странно курчавая, она была красивого бледно-голубого цвета. Я будто стояла посреди стелющегося на ветру моря, которое прямо передо мной упиралось в нечто, откуда я, по всей видимости, и выпала.

Больше всего это напоминало северное сияние, только черное, как космическая бездна, и переливающееся не цветными, а сине-фиолетовыми всполохами. Безмолвно колышущаяся завеса простиралась над землей на сотню метров влево и вправо от меня, а впереди уходила далеко в темнеющую небесную высь. По ту сторону странного (и, чего уж там, жуткого) сияния я не сумела ничего разглядеть — таким плотным и непроницаемым оно было.

---

¹ Героиня имеет в виду легенду о Гамельнском Крысолове. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Я немного постояла перед ним в сгущающихся сумерках, чувствуя себя непередаваемо растерянной и испуганной. Мысль о том, что меня каким-то образом затянуло в портал и выбросило в параллельном мире, казалась безумной и в то же время вполне логичной с учетом того, где я сейчас находилась и что видела. Значит, лихорадочно думала я, чтобы вернуться обратно домой, нужно всего лишь снова войти в это сияние? Или это работает как-то иначе — и я могу сделать только хуже? Например, очутиться в какой-нибудь третьей реальности, посреди пустыни или, скажем, в жерле вулкана? А если я все же попаду в «родную» пещеру, не утону ли в том коварном водоеме?

Проверить, насколько верны мои опасения, я не решилась. Стянула с плеч лямки небольшого рюкзака, который пережил этот скачок в пространстве в отличие от налобного фонаря, слетевшего с меня еще при падении в воду. Расстегнула и сняла тяжелую от влаги и слишком теплую для местной погоды толстовку, оставшись в футболке, джинсах и кроссовках, а затем разложила на земле содержимое рюкзака. Полулитровая бутылка минеральной воды, пачка крекеров, бумажные носовые платки (точнее, то, что от них осталось), упаковка влажных салфеток, мобильник, ключи, расческа, косметичка со всякой мелочью, пластиковые карты, немного налички — вот и все, что составляло мои припасы. В телефон я вцепилась сразу (словно отсюда, из другого мира, можно было так запросто позвонить в наш!), но он вполне предсказуемо даже не включился.

И вот в тот самый момент, когда я, чуть не плача от отчаяния, сидела в траве и тыкала пальцем в темный безжизненный экран, за моей спиной вдруг раздалось отчетливое рычание.

Подпрыгнув от неожиданности и страха, я резко развернулась к источнику звука. Им оказалась страшная, как порождение ночного кошмара, тварь, больше всего похожая на вервольфа из какого-нибудь низко-сортного фильма ужасов. Огромная, мощная, покрытая клочковатой черной шерстью, с вытянутой мордой и большими остроконечными ушами, она стояла всего в нескольких метрах от меня, пригнувшись и злобно оскалившись, и при одном взгляде на торчащие из ее пасти зубы меня замутило. Глаза существа горели звериным желтым огнем, какой-то первобытной яростью, голодом и... безумием, что ли. В общем, я сразу поняла, что песенка моя спета, и бежать, а уж тем более пытаться сопротивляться просто бессмысленно. Только мучения свои продлишь. Тем не менее, когда жуткое существо прыгнуло на меня, я сначала запустила ему в морду телефоном и лишь потом упала на спину, инстинктивно выставив перед собой руки.

Полутьма надо мной вдруг озарилась яркой вспышкой света. Из моих ладоней хлынул огонь, самый настоящий огонь, и, напорвшись на него, «вервольф» громко взвыл, отскочил и затряс обожженной мордой. Затем выпрямился, опасливо прижав уши к голове, попятился и наконец, повернувшись ко мне задом (хвост у него тоже был черный и по-волчьи пушистый), позорно припустил трусцой в сторону темнеющего вдали леса. А я кое-как села и потрясенно уставилась на свои руки, вновь принявшие вполне обычный вид.

— Алантэ¹, — произнес совсем рядом певучий женский голос.

— Твою мать! — взвившись в воздух, отреагировала я на очередного аборигена. Точнее, аборигенку.

---

¹ Паразительно (на общечеловеческом языке Грезалии, едином для всех ее земель, населенных людьми).

Передо мной стояла невысокая пожилая женщина с убранными в пучок седыми волосами и смуглым морщинистым лицом, на котором выделялись необычно живые и ясные для ее возраста глаза. На ней было длинное зеленое платье из грубой материи, перетянутое небольшой поясной сумкой, и что-то вроде кожаных сапожков — не самый современный, в общем, наряд. Внимательно глядя на меня, незнакомка подняла руку и указала на зависшее над полем темное сияние.

— Эдмэ туа онду? — спросила она, и я в ответ лишь растерянно покачала головой.

Женщина мягко повторила вопрос, потом еще раз — и незнакомые слова вдруг сами собой сложились в моей голове во вполне понятную фразу: «Ты пришла оттуда?»

— Эо, — утвердительно кивнула я и захлопнула себе рот ладонью.

Женщина тихо засмеялась.

— Да, ты точно пришла с Той Стороны. Понимать чужие языки — один из даров, что получает большинство пришельцев. Но такую силу, как у тебя, встретишь нечасто. Одолеть грызолака вот так, сразу...

— Грызо... лака?

— Существо, что на тебя напало. Кстати, — женщина слегка нахмурилась, — он может вернуться, и не один. Нам лучше уйти — после наступления темноты здесь опасно. Меня зовут Висса, а тебя?

Подойдя ко мне, она протянула сухонькую руку, желая помочь мне подняться, и после недолгих колебаний я взяла ее.

— Александра.

Висса беззвучно пошевелила губами, повторяя мое имя, после чего выдала упрощенный (и, по-видимому, более удобопроизносимый) его вариант:

— Ксандра. — И зашагала прочь, сделав знак следовать за ней.

Не раздумывая, я торопливо сгребла в рюкзак все свои вещи, включая толстовку, и вместе с ним поспешила за Виссой, двигающейся на удивление быстро и уверенно. Темнота вокруг нас сгустилась окончательно, но в небе над полем, там, где его не закрывало сияние, высыпало множество крупных звезд, и вместе с тонким серпом желтого, как лимон, месяца они достаточно сносно освещали нам путь. Поглядывая на небо, я утратила последние иллюзии насчет своего местонахождения: звездная карта показалась мне совершенно незнакомой, а месяц был заметно ярче и больше, чем я привыкла видеть на Земле.

Около четверти часа спустя впереди показалось небольшое селение, окруженное высоким частоколом. Оно стояло прямо в поле, достаточно далеко от едва заметной полосы леса, и позади него вилась узкая речушка, на берегах которой росли редкие, похожие на ивы деревья.

В тишине, нарушаемой лишь журчанием воды, пением проснувшихся сверчков да голосами ночных птиц, мы подошли к массивным, плотно закрытым воротам. Они были явно заперты изнутри, но Висса коснулась их рукой, и створки, к моему изумлению, вздрогнули, скрипнули и медленно распахнулись перед нами, чтобы минутой позже вновь сомкнуться за нашими спинами.

Селение состояло из десятка маленьких деревянных домов, выстроившихся вокруг открытого пятка земли с колодцем посередине. К большинству из них примыкали огороды и жались какие-то пристройки (вероятно, курятники и сараи для скота), крытые поленицы, лавочки. Я заметила две будки для собак, а перед домиком прямо напротив ворот — крохотный,

но очень уютный цветник. Окна всех без исключения домов были закрыты ставнями, через которые едва просачивались тонкие полоски света — и то лишь в нескольких домах, где еще, по-видимому, не легли спать. В селении царила бы крошечная тьма, не будь по всей его территории разбросаны странные зеленовато-желтые огоньки. Присмотревшись к ним, я ахнула: это были крупные грибы с толстыми ножками и мясистыми шляпками, источающие тусклый, как у ночников, свет. Выглядели они необычно и даже сказочно, но волшебство здесь, конечно, ни при чем — просто биолюминесценция.

Между тем, почуяв чужака в моем лице, из будок выскочили, заливаясь громким лаем, собаки. Большие, серые, как волки, и явно настроенные весьма недружелюбно. К счастью, обе были на привязи и не могли до меня дотянуться, хотя и очень старались.

Висса, шагнув вперед, шикнула на собак и, взяв меня за руку, добавила:

— Друг. Ксандра. Своя!

Удивительно, но животные ее, кажется, поняли. Поворчали еще немного, бросая в мою сторону настороженные взгляды, а затем, покрутившись у стоящих рядом мисок, вернулись в свои будки.

Я вслед за Виссой двинулась к домику с цветником, но тут из соседнего дома, того, где горел свет, вдруг вышел мужчина. Плотный, приземистый, в свободной рубашке и штанах, босоногий. И... совершенно лысый. В темноте было трудно определить его возраст, тем более что бьющий ему в спину неяркий свет мешал рассмотреть черты лица, но, когда он заговорил, я решила, что он вряд ли сильно младше моей спутницы.

— Кто это, Висса? — спросил он, не сводя с меня взгляда.

— Ксандра. Она пришла из Бездны.

— Из Бездны? — В голосе мужчины звучало удивление, смешанное с недоверием.

— Взгляни на ее одежду. Да, девочка обладает даром огня, и я своими глазами видела, как она отбилась от напавшего на нее грызолака.

— Висса, если она действительно пришла с Той Стороны...

— Знаю, Эйкхар, знаю. Давай обсудим все завтра, при свете дня. Доброй ночи.

Висса потянула мою руку, и я отвернулась от мужчины, продолжающего сверлить меня странным взглядом.

— Доброй, — донеслось нам вслед хмурое пожелание, и дверь скрипнула, закрываясь за Эйкхаром.

Мы же поднялись на крыльцо дома Виссы и вошли внутрь. За входной дверью, оказавшейся на удивление крепкой, обнаружилось что-то вроде сеней, а дальше располагалась одна большая комната с нехитрой мебелью: деревянным столом у небольшого окна, тоже прикрытого ставнями, парой стульев, широкой скамьей у стены и кроватью за плотной занавесью. Также здесь была самая настоящая печь, примитивная, но вполне похожая на те, какие можно увидеть во многих русских деревушках. Все это я сумела разглядеть лишь после того, как Висса коснулась стоящего на столе то ли светильника, то ли фонаря, тут же озарившего помещение теплым золотистым светом.

— Что это? — любопытствовала я, глядя на необычный предмет — железное основание с ручкой и крупным белесым кристаллом в центре, который и излучал этот мягкий свет.

— Эзалир, — будничным тоном ответила женщина. — Камень, способный поглощать и удерживать в себе магическую силу. Какое-то время он будет светить-

ся, а потом мне снова придется напитать его частицей своей магии.

— Так ты... — Я запнулась, подбирая нужное слово. — Колдунья?

— Как и все на Земле Изгнанников. Да ты садись, не стой. Есть хочешь?

Прислушавшись к себе, я поняла, что не особенно голодна — зато жажду испытываю ужасную. Буквально рухнув на ближайший стул и достав из рюкзака бутылку с водой, я осушила ее почти полностью, смакуя каждый глоток.

Висса, присев напротив, с интересом покрутила в руках пластиковую бутылочку.

— Скажи, Ксандра, как называется твой мир? — задумчиво спросила она.

— Земля. А твой?

— Грезалия. А место, где ты очутилась, — Мрисова Пустошь или Земля Изгнанников.

— Мри... сова?

— Да. Из-за мрисы, голубой травы, что растет только здесь. Если хочешь, я расскажу тебе о мире, в котором ты оказалась, а ты поведаешь мне о своем.

Конечно, я хотела. Хотела знать, что это за странное сияние, которое местные называли Бездной, откуда у меня дар пирокинеза и с какими еще тварями, помимо грызолаков, я могу здесь столкнуться. А больше всего мне хотелось узнать, как я могу поскорее вернуться домой.

Висса все-таки принесла мне пару лепешек с сыром и глиняную чашку с каким-то душистым травяным настоем. Пока я ела, она рассказывала мне о своем родном мире, изредка прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам. Где-то вдали время от времени слышался пронзительный вой, напоминающий волчий, который тут же подхватывали другие голоса, — и я произ-

вольно сжималась на своем стуле, думая о хрупкости жилища Виссы. Странно, но облаявшие меня собаки на этот вой не реагировали — то ли боялись, то ли давно к нему привыкли, то ли понимали, что звери находятся далеко и не представляют для них угрозы.

— Не бойся, — успокаивающе произнесла Висса, заметив мой страх. — Деревня окружена магическим щитом, отпугивающим грызолаков и способным выдержать их нападение. Тебе здесь ничто не грозит.

— А кто-то посерьезнее грызолаков здесь водится?

— Водится, — помрачнев, кивнула женщина. — Но обо всем по порядку.

Грезалия, как я узнала из рассказа Виссы, состоит из четырех королевств: Севера, Востока, Юга и Запада. Посередине находится Драконье море, а земли Запада, на самом краю которых лежит Мрисова пустошь, пересекают Сумрачные горы. Есть еще лес Ульм-Дхар, принадлежащий народу ульмов — прекрасных остроухих созданий, судя по описанию, похожих на эльфов из «Властелина Колец».

Более трехсот лет тому назад между берегом океана и Мрисовой пустошью вдруг разверзлась Бездна, накрывшая большой портовый город, Ангдор. Часть его жителей погибла или пропала без вести, часть превратилась в ужасающих тварей — грызолаков, остальные же изменились, приобретя невероятные способности вроде моего пирокинеза.

— В Грезалии и до появления Бездны были колдуньи, — негромко говорила Висса. — Но они владели магией, и сила их была другого рода. Те же, кого коснулась Бездна, получили способность управлять стихиями, двигаться быстрее ветра, в считанные мгновения исцеляться от страшных ран... Не все разом, нет, — каждый обрел что-то свое. Но всех их без исключения отличала нечеловеческая выносливость и сила. А еще

они умели выслеживать и убивать созданий тьмы, что много лет кряду выползали из врат Бездны — может, потому, что и в их крови текла эта тьма. Так они (а потом — и их потомки) стали Ночными охотниками, истребителями нечисти. Люди их боятся и не жалуют, но и без них нам никак не обойтись...

Как выяснилось, с Той Стороны приходили не только кровожадные монстры, но и люди вроде меня — правда, довольно редко. И эти пришельцы тоже получали силу, которой обладают охотники.

— С Той Стороны уже лет десять никто не приходил, даже чудовища. А тут — ты. — Висса бросила на меня испытующий взгляд. — Я чувствовала, что ты придешь: сон видела. Потому и пошла к Бездне в столь поздний час. И не ошиблась.

— Кто ты такая? — задала я давно интересующий меня вопрос. — Кто вообще все эти люди, которые здесь живут? Колдуны?

— Колдуны, ведьмы, знахари. Изгнанники, — кивнула она. — Нас всех выселили в Мрисову пустошь за какие-либо преступления против людей. Колдунов убивать нельзя, ибо на убийцу и весь его род падет страшное проклятие. Потому нас уже много лет отправляют сюда, в Пустошь, где больше никто не может выжить.

— Как же вы здесь живете? Отрезанные от людей, среди этих... тварей...

— Так и живем. Объединяемся в деревни, защищаемся от грызолаков. Ночью сидим по домам, а днем грызолаки обычно спят в своих убежищах: они не любят солнце. Иногда ходим повидаться с горцами и торговцами, приезжающими к Мглистому ущелью. Обмениваем лекарственные снадобья и магические предметы на кое-какую еду, одежду и прочие нужные вещи. Бывает, что и охотники к нам захаживают...

— Висса... — Я помолчала, собираясь с духом, а затем все-таки спросила, вцепившись пальцами в край столешницы: — Те, кто приходил к вам с Той Стороны до меня... Кому-нибудь из них удалось вернуться домой?

Женщина покачала головой, глядя на меня с неприкрытым сочувствием.

— Не знаю, Ксандра. Некоторые пытались, но получилось ли у них, не скажет никто. Бездна велика и непостоянна, и неизвестно, в какой именно мир она открывает тебе проход. Те, кто входил в нее, не возвращались... Мне очень жаль.

ГЛАВА 2

Эйкхар, встретивший нас той ночью в деревне изгнанников (одном из трех поселений на территории Мрисовой пустоши), оказался ее старостой. Поначалу он, как и большинство жителей Речавки, относился ко мне настороженно и даже с опаской, вызывая мое искреннее недоумение. Боялся, что я со своим новообретенным даром огня спалю к чертям собачьим всю деревню? Так у меня не получалось даже искорки высечь из своих ладоней, сколько я ни пыталась. Должно быть, моя сила просыпалась лишь в стрессовых ситуациях вроде нападения кошмарной хищной твари...

— Прибытие человека с Той Стороны — важное событие, о котором мы обязаны сообщить колдунам короля, — пояснила Висса странное поведение своих односельчан. — Тем более что Бездна давно уже никого к нам не приводила. Все пришельцы обладают силой, которую следует контролировать. Королевские колдуны изучают ее и решают, станет ли пришелец новым охотником или пополнит их ряды. В любом случае тебя нужно научить пользоваться своей силой так, чтобы не причинять вреда людям...

— Не хочу я становиться ни охотником, ни слугой короля! — возмущенно выпалила я. — Все, что я хочу, — как можно скорее вернуться домой. Только вот придумаю, как это сделать...

Висса в ответ на мою тираду только вздохнула.

— Что ж, пока ты здесь, тебе стоит поучиться управляться со своей силой, Ксандра.

Она продолжала упрямо звать меня Ксандрой, хотя мне было привычнее сокращение «Саша», — но вскоре я перестала ее поправлять. Ксандра так Ксандра. Все, что тогда занимало мой ум, — как поскорее вернуться в свой мир. Логика подсказывала, что нужно воспользоваться тем же порталом, через который я сюда попала, но меня удерживал страх оказаться в совершенно другом мире. Что, если этот портал, эти врата между мирами, исторгающие странную темную энергию, действительно нестабильны? И, прыгнув в Бездну наугад, я могу попасть в мир похуже — например, населенный монстрами наподобие тех, о которых рассказывала Висса...

За этими мыслями и мелкими повседневными делами пролетали дни. Живя в доме Виссы, помогая ей по хозяйству и пытаясь придумать план безопасного возвращения на родину, я попутно присматривалась к населяющим Речавку изгнанникам, в основном взрослым и пожилым женщинам, не отличающимся особой общительностью. Мужчины здесь, конечно, тоже были, а еще — несколько совсем древних стариков и пара подростков, девушка лет пятнадцати и двенадцатилетний мальчишка. Детей же в деревне я вовсе не заметила.

— У колдунов редко рождаются дети, — пожалала плечами Висса в ответ на мой удивленный вопрос. — А тут и мужчин-то — по пальцам одной руки сосчитать. Оно и к лучшему: не место детям в Пустоши...

— За что же вас всех сюда сослали?

— За колдовство, причинившее людям вред. Меня — за то, что наслала проклятие на сына богатого торговца из моей деревни.

— А ты... на самом деле?..

— И да, и нет. Он девушку одну, девчонку совсем, соблазнил да бросил в положении. Я и сказала ему прилюдно — не женишься на ней, пожалеешь, жизнью заплатишься. Так оно и вышло. Поехал он вместе с отцом в соседний город лесом и не вернулся. Волк по пути задрал...

— Из-за твоего проклятия?

— По воле богов, — усмехнулась, блеснув яркими зелеными глазами, Висса. — Но люди решили иначе.

— А остальные?

— Остальные... Кто и вправду совершил недоброе, а кто, как я, по глупости своей сюда попал. Да только людям от того хуже, чем нам. Каждой деревне нужен колдун или ведьма — защитить, исцелить, советом помочь. Мало их сейчас в Грезалии осталось...

— Так, может, вам разрешат вернуться?

— Долгие годы уж тут живем, — хмыкнула она. — Не первое поколение. И не зовут нас что-то обратно.

После обеда, ближе к вечеру, когда немного спадала царившая днем жара, Висса выводила меня на полянку у колодца и пыталась научить управлять моей силой. Жители Речавки обычно рассаживались в теньке вокруг и, посмеиваясь, глазели на мои бесплодные попытки выжать из себя хоть капельку огня. Наконец, день этак на пятый, к нам вышел Эйкхар и повел рукой, будто начертив в воздухе какой-то узор. А я завизжала, увидев, как прямо ко мне по короткой траве ползет огромное членистоногое, похожее на черного скорпиона. И, выставив перед собой открытую ладонь, так шамальнула по несчастной животинке сгустком огня, что от той осталось лишь пятно выжженной дотла земли.

Глаза собравшихся на полянке изгнанников надо было видеть. А Эйкхар, запрокинув мясистое загорелое лицо, разразился добродушным смехом.

— Эйкхар! — с укором глянула на него Висса. — Нельзя же все время пугать девочку!

— Ну чем-то надо было ее растормошить, — невозмутимо заметил он. — Теперь я вижу, что она действительно обладает силой. Да какой! Эолдар наверняка захочет оставить ее себе.

Из рассказов Виссы я знала, что Эолдаром зовут короля Запада, и тут же заверила Эйкхара, что не собираюсь становиться собственностью ни одного из их правителей, будь то сам император драконов.

— И вряд ли они сами захотят ко мне сунуться, — добавила я многозначительно, показывая пляшущие на кончиках моих пальцев язычки пламени.

Эйкхар только со вздохом покачал головой.

— Ты подвергаешь всех нас опасности, Ксандра. Если король прознает, что изгнанники укрывают у себя пришельца из Бездны, владеющего даром огня, нам не поздоровится...

— Разве кто-то осмелится убить колдуна? — вспомнила я слова Виссы.

— Поверь, есть вещи и похуже смерти, — усмехнувшись, ответил мужчина. — И множество способов сделать нашу жизнь вконец невыносимой. Так что, Ксандра, либо уходи обратно в Бездну, либо учись управлять своей силой и отправляйся к колдунам короля. Через пару недель мы как раз собираемся идти к Мглистому ущелью — можем взять тебя с собой и передать торговцам.

— Позволь ей остаться с нами, — нахмурившись, вмешалась в наш диалог Висса. — Никто об этом не узнает...

— У Эолдара повсюду шпионы, будто ты не знаешь. Зачарованные его колдунами птицы, звери... Да и охотники сюда порой заглядывают.

— Охотники болтать не станут.

— Но могут захотеть забрать ее с собой. Здесь ей не место, Висса, — сказал как припечатал Эйкхар и, хмуро покосившись на меня, ушел в свой дом.

— Не расстраивайся. — Я протянула руку и благодарно сжала маленькую ладонь Виссы. — Я и не планировала здесь надолго задерживаться. Хотя мне, если честно, нравятся наши уроки и я хотела бы научиться контролировать свою силу. Как думаешь, она останется со мной, когда я вернусь домой?

— Думаю, да, — мягко улыбнулась Висса. — И это хороший повод продолжить наши занятия.

И мы их продолжили. Иногда к нам присоединялся Эйкхар, очевидно, успокоенный моим обещанием вскоре покинуть Грезалию, или кто-то из других колдунов, и фокусы с огнем стали получаться все чаще. Хотя, надо сказать, внезапный дар по-прежнему пугал меня. Как-то раз я умудрилась поджечь крыльцо ближайшего дома — и наверняка натворила бы беды, не потуши собравшиеся огонь своей магией.

А еще у моей «суперспособности» обнаружился своего рода побочный эффект: после большого или длительного выплеска силы меня неизбежно накрывала слабость. Однажды я даже брякнулась в обморок. Висса утверждала, что со временем это пройдет, но в ее голосе не было уверенности. Кроме того, каждый раз, когда я призывала огонь, мои обычно голубые глаза заливала жуткая иномирная тьма, придавая мне поистине демонический вид. И уж с этим точно ничего нельзя было сделать.

Интересно, как со всем этим жить в своем мире, мрачно думала я. Там помогать мне будет некому, а я сильно сомневалась, что смогу постоянно скрывать свою «особенность» от окружающих. Хотя Игорю я бы ее, пожалуй, продемонстрировала...

Мысль о бывшем муже все еще жгла, отдаваясь в сердце глухой ненавистью. Странно — не так давно я так же искренне его любила. А теперь при одном воспоминании о нем, о его предательстве, обернувшемся для меня потерей ребенка, обо всех обидах и боли, которые он мне причинил, в венах в буквальном смысле вскипал огонь. Огонь, который наверняка испепелил бы Игоря, окажись он вдруг рядом.

— Ты не должна позволять страху и гневу управлять тобой, — как-то сказала, заметив мое состояние, Висса. — Имея такую силу, ты несешь за нее ответственность. Колдун, не умеющий держать себя в руках, — большая угроза для всего живого, и вредит он в первую очередь себе самому.

— Я понимаю, — кивнула я, соглашаясь. — Я... постараюсь сдерживаться.

Так прошло две недели. Я по-настоящему привязалась к Виссе и привыкла к изгнанникам, а они, похоже, ко мне. И хотя управление своим даром я до конца еще не освоила, настал день, когда я поняла: пора уходить.

Стоял чудесный теплый вечер эура, первого месяца лета. Мы с Виссой сидели на лавочке во дворе ее дома, потягивая холодный травяной чай и слушая разносящийся по окрестностям стрекот кузнечиков, а мир вокруг заливал густой оранжевый свет заходящего солнца.

— Завтра я уйду, — сказала я, разглаживая на своих коленях голубое платье, которое подарила мне одна из соседок. — По крайней мере попробую.

Висса кивнула, словно ожидала услышать что-то подобное. Лицо ее, испещренное сеточкой мелких морщин, было печально, но отговаривать меня она не пыталась.

— Вот. — Порывшись в своей сумке, она что-то достала и положила в мою раскрытую ладонь. — Сделала тебя оберег — он защищает от зла и болезней.

С минуту я рассматривала прикрепленную к витому нитяному шнурку подвеску, вырезанную из светлого дерева в виде круга с неизвестными мне переплетающимися символами внутри. А затем порывисто обняла Виссу.

— Спасибо! Красивый...

— Носи не снимая, — строго велела она, и я тут же надела оберег на шею.

Лучше бы Висса оставила его себе.

Сама не знаю, что именно разбудило меня той ночью. Сев в постели (я спала на лавке у стены), я какое-то время вслушивалась в повисшую снаружи тишину, с тревогой отмечая отсутствие привычных ночных звуков: пения сверчков и птиц, изредка долетающего со стороны леса воя грызолоаков. Сам воздух, казалось, застыл в ожидании чего-то. Посидев так с пару минут, я тихо, стараясь не разбудить Виссу, спустила ноги на пол, нащупала свои кроссовки и в одной сорочке выскользнула во двор.

Речавка, залитая светом лимонной луны и чудных люминесцентных грибов, казалась обителью призраков. Ночь была теплой, даже жаркой, но я вдруг поежилась, обхватив себя руками: странный холод коснулся затылка и пробежал вниз по спине. Медленно, замирая после каждого шага, я вышла на открытое пространство между погруженными в темноту домами и остановилась, уставившись на ворота. Те, разумеется, были закрыты — и к тому же окружены магическим щитом, — но мой внезапно проснувшийся внутренний голос почти вопил о том, что по ту сторону забора кто-то есть. Кто-то невероятно опасный и страшный.

И, словно вторя моей интуиции, позади вдруг тихо заворчали вылезшие из будок собаки — Джаф и Нори.

— Вы тоже кого-то чувствуете? — шепотом спросила я, будто животные могли меня понять.

К моему изумлению, обе собаки в ответ жалобно заскулили и нырнули обратно в темноту своих будок. Что, черт возьми, могло их так напугать?

Я и сама уже была готова поддаться страху и побежать в дом, как вдруг через ворота передо мной бесшумно перемахнула гибкая темная фигура. При этом по всему забору пробежала сияющая голубоватым светом рябь, которая тут же исчезла, наводя на мысли о прорванной магической защите Речавки.

Чужак передо мной неторопливо выпрямился, поднимаясь во весь свой внушительный рост, и я невольно попятилась. Внешне существо напоминало человека, но темная кожа, не прикрытая никакой одеждой, горящие алым глаза и неестественно длинные и тонкие конечности говорили о том, что передо мной стоит один из чудовищных обитателей Пустоши. Существо склонило лысую голову набок, рассматривая меня, а затем, оскалив зубы, среди которых четко выделялись заостренные клыки, издало жуткий урчащий звук.

— Мурдисы! — выдохнул кто-то за моей спиной, и, оглянувшись, я увидела застывшую на крыльце бледную как смерть Виссу.

Дальнейшее слилось в какой-то сплошной кошмарный водоворот. Через забор посыпались другие мурдисы — по ощущениям, десятки, — а тварь, пробравшаяся в деревню первой, пригнулась и прыгнула на меня. Я успела увидеть занесенную когтистую руку-лапу, а в следующее мгновение мурдиса снесло огромным светящимся шаром — это выскочивший из дома Эйкхар пришел мне на подмогу.

Потом ночные твари схлестнулись в схватке с проснувшимися колдунами, и я, сбросив наконец странное оцепенение, тоже кинулась в бой. Пальцы уже знакомо закололо, и вырвавшееся из моих ладоней пламя ревущей стеной устремилось к врагам, пожирая их заживо, оставляя после себя обугленные тела и вонь горелой плоти. Но погибших тварей тут же заменили новые. Мурдисы заверещали, тонко, злобно, пронзительно, и я стиснула зубы, вновь призывая огонь.

Краем глаза увидела, как мурдисы распахнули ворота, очевидно желая впустить внутрь ждущих снаружи сородичей. Вот только за воротами происходило нечто непонятное: металась в темноте неясные тени, слышались крики, рычание и полный боли и ярости визг. Я различила две стремительнодвигающиеся мужские фигуры и блеск стали в их руках, но приглядываться было некогда: вокруг меня творился суший ад.

В какой-то момент мурдисов стало меньше, но те, что остались, упрямо лезли ко мне со всех сторон. А у меня перед глазами все уже плыло от накатывающей слабости. Из носа хлынула кровь, и ближайшая ко мне тварь возбужденно взвыла, роняя слюни. Висса как-то вскользь упомянула, что мурдисы — кровососы, лакомые до человеческой крови, и сейчас я отчетливо это вспомнила.

Последний всплеск огня, предсмертный вопль неосторожного мурдиса — и я осела на землю, почти равнодушно наблюдая, как крадутся ко мне красноглазые монстры. Сознание милосердно ускользало во тьму, но, прежде чем отключиться, я успела увидеть, как подскочивший ко мне мурдис вдруг в прямом смысле переламывается пополам, фонтанируя отвратительной черной кровью, а за ним проступает рослая мужская фигура с мечом в руке. И в глазах незнакомца почему-

то вспыхивают такие же алые искры, как и у кровососов...

«Не может быть», — подумала я и наконец потеряла сознание.

* * *

Возвращение в бранный мир вышло стремительным: я просто рывком села и вскинула руки, готовая разить монстров налево и направо. Но, обнаружив себя на кровати у открытого окна, через которое в комнату лился солнечный свет и привычные звуки летнего утра, немного расслабилась. Ровно до той минуты, пока не вспомнила о Виссе и других жителях Речавки, вышедших сражаться с мурдисами.

Похоже, исход сражения я пропустила, валяясь в отключке. Что ж, если я все еще жива и даже цела, значит, мурдисам не удалось одержать над изгнанниками верх...

Но где же Висса? И почему я очнулась в чужом доме?

Страх и дурное предчувствие согнали меня с кровати и понесли к выходу. Голова сразу закружилась, и, добежав до двери, я практически повисла на неожиданно вошедшем в комнату мужчине. В черных, несмотря на жару, рубашке и штанах, с мечом за спиной, высокий и широкоплечий, он загородил собой дверной проем, осторожно поддерживая меня под локоть. От него приятно пахло: лесом, мхом, душистыми травами. И совсем немного — потом и кровью.

Дождавшись, пока пол перестанет ускользать из-под ног, я запрокинула голову и взглянула на незнакомца. Он был молод — вряд ли старше тридцати — и довольно красив, но какой-то пугающей (я бы даже сказала — inferнальной) красотой. Бледное лицо с резковатыми, хоть и правильными чертами, твердая

линия рта, мужественный подбородок. Темные волосы, ниспадающие на плечи спутанными волнами. Но самой яркой — и в то же время отталкивающей — деталью его внешности были глаза. Чуть раскосые, цвета красного янтаря, с вертикальным, как у кошек, зрачком. Нечеловеческие.

— Кто ты такой? — прошептала я скорее заморожено, чем испуганно.

Мужчина отпустил мой локоть и посторонился, освобождая дорогу.

— Я — Хельден из Кории, Ночной охотник. А ты, если я верно запомнил, Ксандра?

Я кивнула и протиснулась в дверь, стараясь не коснуться его. Охотник он или нет, а эти горящие алым светом глаза доверия не внушали. У мурдисов были такие же.

Оказавшись снаружи, я с минуту стояла, озираясь и оценивая причиненный монстрами ущерб. Дома и сараи пострадали не сильно, хоть и носили следы разрушений; а вот сами жители... Мой взгляд сразу приковали сложенные вдоль забора и укрытые покрывалами тела — я насчитала семь, пока на негнущихся ногах спускалась с крыльца.

Посреди выжженной поляны, оставшейся после ночного боя, стоял Эйкхар с окровавленной повязкой на голове и о чем-то беседовал с незнакомым мне молодым мужчиной. Тоже охотник, подумала я, увидев торчащую из-за его плеча рукоять меча и слишком добротную для здешних мест одежду: темные штаны, заправленные в кожаные сапоги, белую рубашку и черный жилет, щедро украшенный серебристой вышивкой. Щеголь, однако.

Заметив меня, староста торопливо двинулся навстречу и схватил за рукав сорочки, не подпуская к дому Виссы, куда я рвалась.

— Не нужно тебе туда ходить, девочка, — хмуро произнес он.

Я замерла, глядя поверх его руки на знакомое крыльцо, залитое подсыхающей кровью. Кровью Виссы.

— Она... — начала было я, но голос пресекся, не в силах озвучить страшную догадку.

Эйкхар кивком указал на лежащие у забора тела.

— Я не успел, — добавил он тихо и сжал огромной пятерней мое плечо. — Мне жаль. Погибли не только люди: половина скота выпотрошена, собак на куски порвали... Хорошо охотники вовремя подоспели, а то бы здесь вообще никого в живых не осталось.

— Как эти мурдисы вообще смогли проникнуть в деревню? — спросила я сквозь злые слезы. — Висса говорила, ее защищает магический щит!

— От грызолаков — да. С мурдисами сложнее. Магия на них почти не действует. Но раньше они к нам не совались, держались своей территории за лесом...

— Это молодняк, — пояснил подошедший к нам охотник, тот, что разговаривал с Эйкхаром. Я скользнула по нему мимолетным взглядом — высокий, стройный, с коротким хвостиком светлых волос на затылке. Глаза вроде серые, лицо скорее смазливое, чем красивое. Он был явно лет так на пять младше своего inferнального спутника, молча остановившегося чуть поодаль.

— Я — Рой из Галвайса, — представился блондин, коснувшись ладонью своей груди. Видимо, здесь так было принято. — А ты — Ксандра, да? Я видел, как ты сражалась с мурдисами. Наверное, половину одна положила...

— Что там про молодняк? — не дослушав, хмуро заинтересовалась я.

— Молодые мурдисы испытывают сильный голод и непреодолимо жаждут крови. Желательно — челове-

ской, — охотно ответил Рой. — Кровь животных не так... вкусна. Вот они и забрались далеко в Пустошь, привлеченные запахом людского жилья. Мы с Хельде-ном как раз шли по их следу — горцы тоже стали жаловаться на набеги мурдисов и наняли нас с ними разобратся.

— Они... вернуться?

— Пока мы здесь — нет. А дальше... кто знает. Мы здорово сократили их численность, так что, имея хоть какие-то зачатки разума, они вряд ли сунутся к людям в ближайшем будущем. Хотя мурдисы твари мстительные и, учитывая, сколько они живут, могут и затаить злобу...

— А заодно — запомнить человека с такой силой, как у тебя, — заметил Хельден, сверля меня пристальным взглядом своих демонических глаз, под которым я сразу вспомнила, что стою на свету в одной тонкой, грязной и местами рваной сорочке.

Впрочем, куда больше меня волновал смысл сказанного красноглазым охотником.